

Леонид Бляхер: Тайга всех спасет. 0 ситуации в Хабаровске

Леонид Бляхер

Социологический антикризисный центр изучает восприятие ситуации, вызванной пандемией COVID-19 и мерами борьбы с ним, – экспертами из российских регионов. В дебютном выпуске известный дальневосточный социолог, профессор Тихоокеанского государственного университета Леонид Бляхер рассказывает о том, как вирусный кризис воспринимают в Хабаровске.

Этот текст – достаточно субъективная зарисовка ситуации в Хабаровске и возле него. □ Полноценный сбор информации в условиях ограничения возможности передвижения организовать затруднительно. Чтобы как-то верифицировать собственные соображения, я провел несколько бесед в социальных сетях, изучил споры о ситуации на популярных городских пабликах. Прекрасно понимая, ограниченную репрезентативность моего «материала», попытаюсь описать ситуацию.

Соотношение опасений, [представленных в общероссийском опросе](#), очень похоже на то, что показывают интервью в Хабаровске.

Основной страх – экономические последствия и возрастание неопределенности. Думаю, что он даже сильнее выражен, чем в общероссийской выборке (58%). Однако, за исключением нескольких групп населения (предприниматели, работники частных коммерческих предприятий, самозанятые) этот страх пока не вполне оформился.

Менее сильно звучит, хотя и имеет место, тема сокращения реальных доходов семьи. Трудно сопоставить данные формализованного опроса и интервью, но, думаю, что при опросе в Хабаровске число тех, у кого уже произошло резкое сокращение доходов (во всероссийском опросе 45%), было бы несколько ниже, а число тех, кто ожидает этого, несколько выше.

В целом, градус тревожности (если в качестве сравнения брать эмоциональный накал в СМИ и соцсетях) не особенно высокий. Маски на улицах появились, как и патрули. Ажиотажный спрос на продукты, имевший место быть в начале событий, исчезает. В продовольственных магазинах привычная картина, определяемая плотностью населения района и сегментом, на который магазин ориентирован. Стал чуть беднее ассортимент товаров, поскольку значительная их часть поставлялась из КНР. Но это не приводит к появлению пустых полок. Закрылись магазины непродовольственных товаров, парикмахерские, торговые центры. Это раздражает, но пока не особенно сильно. Люди говорят об этом, как о потенциальной проблеме, которая «может случиться». Пока жители города стремятся всеми силами продолжать привычный образ жизни, насколько это возможно.

Несколько менее интенсивным стало движение на дорогах. Тем не менее, машины ездят вполне активно. Трафик города напоминает трафик выходного дня. Городские службы работают вполне прилично. Мусор вывозится, дороги чистятся. Не идеально, но не хуже, чем в доэпидемический период.

Ответы на вопрос о предмете «физического» беспокойства стандартные: престарелые родственники, друзья и знакомые, люди, страдающие хроническими заболеваниями. Здесь полное

совпадение с результатами всероссийского опроса. Фразы о беспокойстве за себя не в моде – в беседах подобное не прозвучало ни разу. В принципе, дискурс «о смертоносном коронавирусе», физическом страхе пока не особенно распространен. Экономические опасения проявляются намного сильнее.

Власти города и края пока не определились, можно ли что-то получить, торгуя этой угрозой. В силу этого меры носят стандартный характер. Они постоянно пытаются вписаться в приказы, распоряжения и рекомендации, идущие из центра, или предугадать их. Стратегия выстраивается «по образцу», потому, что делают главы регионов, не получившие негативного окрика из столицы.

Диагностированные больные госпитализируются, как и люди со сходными симптомами (на сегодня 08.04.2020 г. их 24 человека, один скончался). Закрыты на карантин несколько домов в городе. Волонтеры организуют их снабжение.

Судя по беседе с государственным служащим, пока в качестве главной угрозы сама эпидемия не осознается. Уровень тревожности государственных и муниципальных служащих несколько выше, чем у населения. Возможно, это более связано с угрозой не угадать в своих действиях, не выполнить какого-то неявного распоряжения или рекомендации. Респондент отметил, что резко возрос документооборот, как внутри региона, так и вовне. Неожиданно обрушившаяся на региональную власть необходимость принимать самостоятельные решения и нести за них ответственность восторга не вызывает. Особенно если учитывать, что сверхжесткий контроль над ней сохраняется.

Достаточно активны медики, социальные активисты и СМИ. Есть посты в соцсетях, передачи в СМИ о грозящей городу угрозе и необходимости жестких мер. Но, как отметил в разговоре один из популярных телепродюсеров, особого интереса аудитории они не вызывают.

После недолгой паузы, связанной с закрытием театров и филармонии, начались, вполне «посещаемые» виртуальные концерты (из дома, из студии). В том же формате происходят встречи поэтов, кинодеятелей и т.д. Образование, пережившее сильнейший шок от перехода на дистанционный режим работы, начинает приходить в себя. Осваиваются новые технические средства, формы.

Самый высокий уровень тревожности у предпринимателей и работников частных коммерческих структур. Значительная часть готовится к банкротству, потере работы и т.д. Один из респондентов – руководитель небольшого предприятия – сообщил об убытках в десять миллионов рублей за период вынужденного простоя при необходимости выплачивать зарплату. Печальные перспективы у владельцев ресторанов, гостиниц, турфирм, всей индустрии гостеприимства. Грустно смотрят в будущее их работники. О трудной ситуации говорят и самозанятые: таксисты, ремонтники, производители мебели и т.д.

В малонаселенном и гигантском по протяженности регионе огромную роль в практиках выживания играет мобильность. Переезды, экономика на трассах, хозяйственные связи, объединяющие города-потребители и множество мелких поселений играют огромную роль в «серой» экономике Дальнего Востока. Сегодня это тревожит не особенно. Затруднения при перемещении упоминаются наряду с закрывшимися парикмахерскими и угрозой запрета продажи алкоголя. Выделяют эту угрозу только дальнобойщики, владельцы придорожных кафе и водители автобусов.

При анализе ситуации стоит понимать, что два крупнейших города региона (Владивосток и Хабаровск) на сегодня – это «имперские города», не столько центры производства или торговли, сколько центры власти. Свободный бизнес, кормивший регион в 1990-е годы, сегодня практически исчез. Большая часть работников – это государственные (военные и гражданские) и муниципальные служащие, работники бюджетных и казенных предприятий. Даже часть бизнеса ориентирована на работу с «бюджетом».

Соответственно, они еще не ощутили экономических проблем. Здесь страх связан с тем, что резко изменившихся условиях, можно потерять работу, а с ней и зарплату.

Впрочем, все мои беседы заканчивались на вполне оптимистической ноте:

«Ничего. Будет совсем погано, в тайгу уйду. Пусть сами здесь, как хотят, изолируются. Тайга богатая. Всех прокормит, всех спасет»

Эта, традиционная для региона тактика выживания, похоже, сегодня имеет все шансы обрести вторую (третью, четвертую, пятую) жизнь.